

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.161.1.81'37

С.М.Антонова

ПРЕЦЕДЕНТНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ — КОГНИТИВНЫЙ СЦЕНАРИЙ КРЕАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Человек есть воплощённое¹ Слово. Он явился, чтобы сознать и сказать.

Ф.М.Достоевский

Язык — это своеобразное окно, через которое человек всматривается в мир, постигает жизнь.

В.И.Сухомлинский.

Как мы мыслим и переживаем мир, так мы и живём.

Э.Панфилова

Временем антропоцентричного научного измерения моделей мира и расцвета когнитивистики, коммуникативистики и лингвоперсонологии продиктована необходимость осмыслиения и научной интерпретации человека говорящего как творящего язык и его концептосферу, а потому, вслед за традицией, используем прецедентную языковую личность как своеобразную действующую модель креативности при рассмотрении всех феноменов языкового творчества и создания влиятельных высказываний.

Противопоставление языковых личностей как *творческих* и *экономных*, прецедентно закреплено сознанием и словом Е.Д. Поливанова и им же интерпретировано через отношение к экономии труда и энергии» [1, с. 431]. В качестве противопоставления творящих прецеденты языкового творчества и рядовых носителей языка оно открывает возможность осмыслять и понять роль прецедентной языковой личности в формировании языковой и концептуальной картин мира у личностей обоих типов. Так, для творческой языковой личности причастность к прецедентному языковому творчеству прагматически значима и объясняется **интертекстуальностью** её собственного языкового сознания и сознательной языковой игрой с прецедентом. Для «экономной» личности прагматика обращения к прецеденту диктуется её врождённой **готовностью** в процессе повседневного общения (из-за отсутствия у неё времени и стремления творить) к воспроизведению готовых фраз — словесных единиц и их сцеплений, известных по текстам влиятельных творческих личностей. И авторские (риторические, творческие, креативные) интенции рядового носителя языка и художника

словесных единиц и их сцеплений, известных по текстам влиятельных творческих личностей. И авторские (риторические, творческие, креативные) интенции рядового носителя языка и художника слова различаются большей степенью экономичности «трудовой энергии», нежели подлинной повторимостью тезауруса, идиолекта и дискурса, т.е. языковой базой производителя, творца речи, текста, дискурса — *Слова*. Таким образом «количественным энергетическим показателем» (буквально в подтверждение видения диалога и жизни как энерго-информационного обмена) формируются две оппозиции: **автор — рядовой носитель языка и творческое (креативное) — нетворческое (репродуктивное) языковое сознание**.

Воплощение «перерасхода» или, наоборот, экономичности трудовых усилий (или стремления к таковой) — уникальность, оригинальность, номинативных единиц, их сцеплений, комбинаций, средств и способов текстового развития и т.п. или же, наоборот, их регулярность, воспроизводимость, повторяемость. Измерим и выбор каждого «неэкономного» (равно как и каждого неленивого) творца: в каждом конкретном пропозитивно-номинативном акте смысл одного предложения можно выразить 10,5 миллионами предложений [2, с. 117]. Но это богатство и выразительность языка не вредят пониманию: говорящий всегда, выражая себя, свой взгляд, своё слово, стремится быть понятым, т.е. быть в своём слове и «другим» — таким, как собеседник, выразить понимание мира собеседником. Таким образом, соотношение субъективного (творческого, индивидуального) и общего (национального, объективного, системного, стандартного) соизмерено системой языка и его функциями так, что «случайного» очень мало или вообще нет даже в устной речи, протекающей вне обдумывания высказывания [3, с. 4]. Свободу же всякого языкового творчества всегда ограничивают не только соответствие законам номинации и функционирования языка, но и особая власть языкового сознания над всяkim словесным проявлением личности. **«Индивидуальное носит характер общего»²** не только в процессе номинации, но и при построении высказывания. И, как бы «по-своему» ни было передано одно и то же содержание говорящим (в нормальных условиях), слушающий (опять же в норме) не может не понять сказанное, потому что «даже на пересказ услышанного «своими словами» говорящий

¹ Автором принято за правило различать *e* и *ē* как дифференцирующие смыслы, формы и стилистические реализации слова. — С.Антонова.

² Выделено нами — С. Антонова.

использует не только готовые слова, но и более сложные, чем слова, отрезки высказывания, а также правила связей между ними. А свобода его выбора основана только «на том, что одному и тому же означаемому <...> могут соответствовать по общему смыслу разные означающие» [3, с. 4]. Свободу творчества на фоне прецедентности как грань и условие взаимопонимания между участниками речевого взаимодействия лингвистика (как научная система отражения когнитивных механизмов) объясняет через категории изоморфизма и симметрии-асимметрии языкового знака. Те же категории управляют и гармонизацией уникального (индивидуального, личностного, творческого) начала в дискретизации и интерпретации картины мира и социального (надличностного, стереотипного, репродуктивного) в порождении и понимании текста. В связи с этим положение, при котором искусство вообще и литература в частности как актуализационные системы прецедентных текстов и языковых личностей являются в обществе достоянием (прерогативой) меньшинства, «нездоровым и угрожающим» представляться должно не только И.Бродскому и не только по причинам, открывшимся поэту: «потенциального властителя наших судеб следовало бы спрашивать прежде всего не о том, как он представляет себе курс иностранной политики, а о том, как он относится к Стендalu, Диккенсу, Достоевскому». В эпоху открытого информационного общества и текстуализации действительности и сознания диагностика языковой человеческого потенциала личностей, допускаемых социумом к творению влиятельных высказываний и прецедентных текстов³, приобретает статус жизненно важной — антропогенной и культурогенной — прагматической задачи антропологии, идеологии и образования.

Встраивая свой текст-сценарий в современные креативные образовательные (педагогика сотрудничества, развивающего обучения и образования, технология критического мышления, здоровьесбе-

³ Могли бы мы лет семь тому назад представить себе, что один студент института кинематографии не знает имени Шукшина? Сегодня речь идёт уже о незнании студентов: Л. Якубович, пытаясь понять, что с нами происходит, текстуализует этот факт в качестве постскриптума-эпилога к фильму о Шукшине как о художнике народного слова и миропонимания. Ответ тут один: оставшись без этого *прецедента любви к чудику* по вине государственного стандарта образования, школьное человековедение сработало на разрушение общенационального *державного* культурного сознания — *мышления, миропонимания и слова*. А другойственный творец прецедентов — телевидение России — трансформировало и культурный прецедент-представление об Алтайском крае до родины Михаила Евдокимова и центре смехопередач, вытеснив знание и память о *шукшинских Сростках* как обители одной из необъяснимых, но явленной в героях Шукшина грани *русской Души* из общероссийского языкового сознания и русской картины мира.

регающая технология) *видения человека говорящего*, позволим себе быть не столько человеком говорящим, сколько человеком читающим, слушающим, мыслящим и пишущим, чтобы представить объект и предмет своего слова в когнитивно и образовательно значимых ипостасях и параметрах. Причём именно эти ипостаси сопряжены как закономерно феноменологически и онтологически связанные грани и *человека творящего*, как показывают отечественные прецеденты таких личностей: Ломоносов, Пушкин, Достоевский, Блок, Белый, Цветаева, Пастернак, Бродский... И прецедентная формула этой связи высказана однозначно в прецеденте же интертекста и дискурса русского Слова о Человеке, каким стал и остаётся для отечественных этоса, логоса и пафоса, ментальности, культуры, литературы и языкового сознания, концептосферы и всех картин мира — *Наше всё!* — А.С. Пушкин: *Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать*. Это в контексте золотого века. В контексте же и интертексте серебряного формула приобрела вид *жизнепроявления*: «*Слово создаёт новый, третий мир — мир звуковых символов, посредством которого освещаются тайны вне меня положенного мира, как тайны мира, заключённые в слове: мир внешний проливается в мою душу, мир внутренний проливается из меня в зори, в шум деревьев; в слове и только в слове воссоздаю я для себя окружающее меня извне и изнутри, ибо я — слово и только слово*» [4, с. 131]. В век наш, медный по поэтической хронологии человека словесного, но всё более являющийся Времени и Творцу веком текстуализации мира и человека, эта формула провидчески уточнена И. Бродским в его Нобелевской лекции:

«*Существование литературы подразумевает существование на уровне литературы — и не только нравственно, но и лексически. <...> В истории нашего вида, в истории «сапиенса», книга — феномен антропологический, аналогичный по сути изобретению колеса. Возникшая для того, чтоб дать нам представление не столько о наших истоках, сколько о том, на что «сапиенс» этот способен*⁴, книга является средством перемещения в пространстве опыта со скоростью переворачиваемой страницы. Перемещение это в свою очередь, как всякое перемещение, оборачивается *бегством от общего знаменателя*, от попытки навязать знаменателя этого черту, не поднимавшуюся ранее выше пояса, нашему сердцу, нашему сознанию, нашему воображению. Бегство это — бегство в сторону необщего выражения лица, в сторону числовителя, в сторону личности, в сторону частности».

Поставленное в как центр научного внимания, ставшее объектом и предметом когнитивного поиска человека творящего во всех отраслях научного знания, речевое действие в конце XX века накопило особую объяснительную способность. Оно

⁴ Выделено нами. — С. Антонова.

работает на моделирование речевого поведения и коммуникативной интенции человека, рассматриваем мы их с лингвистических (системных, функциональных, коммуникативных), логических, психологических, философских или риторических позиций, невзирая на гетерономинативность объекта и разнофокусность внимания к нему. Причём эта сила одновременно и феноменологическая, и интерпретационная. И, постигаемая как сила феноменологическая, она же даёт интерпретационный язык, концепт разнофокусного её постижения, будучи зафиксированной в человеческом языке, речевом опыте и знании о мире, воплощённых в наивной, языковой, концептуальной и научной картинах мира. А квинтэссенция языковой материи, позволяющая моделировать все грани научного видения речевого действия, — глагольное слово, именующее речевое действие.

Интенция данного обращения к художественной модели речевого действия — постижение слепков с этой моделей, запечатлённых прецедентным языковым сознанием в тексте и в системном русском глаголе говорения в качестве когнитивного сценария. Объект и предмет когнитивного моделирования — креативная речемыслительная и мыслеречевая деятельность языковой личности как феномен прецедента в образовании. В научной и художественной картинах мира маркёром речемыслительной и мыслеречевой деятельности автора является глагол *говорить* [5]. Именно с ним мы и соотносим образовательный потенциал прецедентного текста в формировании человека *говорящего и языковой личности* в целом.

В самой номинации глаголы *говорения* есть плеоназм. С одной стороны, глагол — это уже в первом своём значении ‘слово, речь’, буквально, как это и понимал А.С. Пушкин, и, следовательно, определение *говорения* лексически и семасиологически избыточно. С другой — номинативная «экспансия» этого слова привела к своеобразной глобализации его семантики: первородное основание номинации и её внутренняя форма без их специальной⁵ актуализации не считаются сознанием адресата, даже если и кодируются говорящим. Но отечественным русским сознанием они и не кодируются уже целый век. Не наша задача вскрывать причины, которые способствовали разрушению былого денотативно-сигнификативного и pragматического пространства этой лексемы. Мы лишь современники такого разрушения её внутренней формы, при котором литературные реминисценции великих, типа «Без глагола речь не есть речь, но мычание», уже не проявляют, как в пушкинские времена, ни онтологического, ни феноменологического единства *говорения* как члено-раздельной и внятной речи (коммуникативно действенного Слова) и глагола. Таким образом, «на-

родная лингвистика» языка, особая, по сравнению с номемами *речь* и *слово*, поэтическая функция слова *глагол*, его ономасиологическая общность с номемой *говорение* не обнаруживаются обыденным русским сознанием, хотя зафиксированы в художественной картине мира и её прецедентных текстах. Глаголы же говорения вообще и их доминанта *говорить* в особенности непрерывно в истории русского языкового сознания остаются носителями народной языковой металингвистики. В частности, глагол *говорить* представляет ситуации речевой деятельности всеми своими функциональными проекциями: ономасиологической, семасиологической, pragматической, синтагматической, текстовой. И делает это в гармонии динамического равновесия и цельности мысли, слова и действия [5].

Сегодня semiотизированный подход к феноменологии, морфологии и интерпретации действительности, естественный для ономасиологов и когнитологов, распространён и на познание самой предсистемы, поскольку внеязыковую реальность для человека опосредует язык, и в этом смысле она реальность искусственная, а не естественная. В семиотике же и интерпретации речевого действия глаголы говорения превратились в ядерные знаки: фиксирующие все фокусы его интерпретационных видений и феноменологии речи, они имеют статус даже не номем-маркёров — лингвистических терминов. А глагол *говорить* уже именуется *суперконцептом* [6]. В этой категоризующей и концептуализирующей роли глаголы говорения, принадлежащие к ядру всех функциональных разновидностей языка и к основному словарному составу, приобретают способность представлять этологию и эстетику человека говорящего во всех функциональных разновидностях языка и во всех языковых и речевых жанрах и типах текста. И для постижения их объяснительной силы и для выявления их роли в моделировании действительности мира, языка и психики требуется серия разно- и многоаспектных монографических описаний как ядра, так и периферии лексико-семантической группы (ЛСГ) глаголов говорения.

Ономасиологическая проекция речевого действия по существу открывает для нас говорение во всём его объёме и во всех гранях, существенных для нашего восприятия, — **онтологию говорения как реальности**, которая и начинает введение говорения как текста в контекст культуры нации, человечества, человека и в интертекст. Усилиями учёных эта серия уже начата: Т.П. Ломтев, М.К. Мильых, В.Г. Гак, Э.В. Кузнецова, Н.Д. Арутюнова, Ю.Д. Апресян, Л.М. Васильев, И.А. Стернин, З.В. Ничман, В.П. Руднев, И.М. Кобозева, С.М. Прохорова уже предложили концепции таких описаний русских глаголов, а зарубежные учёные: Ш. Балли, Э. Гуссёрль, Дж.Р. Сёрль, Дж. Остин, А. Вежбицкая, П. Рикёр — дали прецеденты таких монографических трудов на материале языков разных систем и философско-филологического осмыслиения природы речевого акта. Однако глав-

⁵ Почти такую же деэтимологизацию в нашем сознании пережили *автопортрет*, *автобиография*, *фольклор* и *сервис*.

ный прецедент осмысления и интерпретации речевого поведения и человека говорящего даёт сам же язык — прецедент общенациональной, социальной и индивидуальной саморефлексии человека говорящего. Он претендует быть опубликованным вслед за монографией «Язык о языке» [7] и серией монографий под названием «Язык о речи», высказанной Н.Д. Арутюновой, поскольку ежедневно формирует прецеденты не только высказываний о человеке говорящем, но и самого говорящего, будучи *Домом бытия Духа*. Наш посредник в общении с нами же самими и нам подобными, с иными мирами и эпохами, язык — это самая полная монография, самый коллективный, известный и прецедентный текст. Подобно коллективному проекту «Язык о языке» он «не просто интегрировал разнофокусное видение глаголов говорения в их ипостаси «народной металингвистики», но выявил через них онтологическое единство речи и языка, а также зафиксировал не столько исчерпанность и окончательность выводов, сколько факт-момент и точку начала специального монографического рассмотрения глаголов говорения на предмет их моделирующей способности. Но в нём, в отличие от выполненного под руководством Н.Д. Арутюновой труда, охарактеризовано *всё богатство* русского языкового и концептуального знания о человеке говорящем: познан и описан весь «обширный и тонко нюансированный лексикон» говорения [8]. А способ этой записи — стереоскопичный полифонический дискурс жизни динамической картины мира, явленной словом.

Наша читательская рефлексия результатов когнитивного анализа заключённого в этом труде народной металингвистики не просто убеждает в том, что в наивной картине мира языковая деятельность осознаётся как взаимодействие двух идущих навстречу друг другу, но не противоборствующих сил — звука и слуха [9, с. 193]. Мы видим в этом взаимодействии кругооборот от идеала человека говорящего, хранимого в этническом культурном сознании, через прецеденты его воплощённости в культурно значимых сценариях, образующих конкретно взятую языковую личность, и речевую практику освоения и присвоения прецедента и идеала к воспроизведению эталона и языковому творчеству на их основе и с их включением как убеждённости действовать именно сообразно с этически и эстетически принятой нормой. Так, можно говорить о том, что «хороший слух» предполагает не только верное восприятие звуков, но и верное их воспроизведение и что «членораздельный звук, выделяя составляющие речевого потока — отдельные звуки и слова, — чтобы потом передать их говорящему, не просто «проводит» пассивный анализ действительности языка и его предсистемы, поступая в актив наивной лингвистики, но диагностирует активное речевое действие, языковое начало и потому не в меньшей степени представляет словеснику и когнитологу речевое событие, языковую личность, человека говорящего, чем, например, значения гла-

гола знать представляют эпистемологу (для которого главный вопрос — «Что значит знать нечто, как мы достигаем этого знания и где границы знания вообще?»)» [9, с. 193]. Поскольку ответы на главные вопросы всегда не бывают одномерными и однозначными, речевое действие буквально взвывает к научному переописанию, а многоаспектная изученность глаголов речи страхует исследователя от однобокого представления их онтологии, неполноты фактов, но отнюдь не облегчает самоё интерпретацию их систематики, семантики и функциональных характеристик. И сам язык помогает каждому новому исследователю, погружающемуся в семиотизированный мир говорения, одолеть груз (если это не хаос!) интерпретационных устремлений и находок предшественников. Поэтому продолжающаяся когнитивная рефлексия глаголов говорения отнюдь не избыточное знание, а обязательный технологический этап приближения к истине. Проверка, уточнение и переописание с использованием других языков интерпретации приближают к адекватности модели и эффективности методики, которые недосягаемы вне соответствия семиотически переописанному принципу Бора [10, с. 150].

Феноменология речевого действия, актуальная для русского языкового сознания, постигается учёными на основе ономасиологического представления системы реалем говорения и её концептуализации — в словарной (вокабулярной — личностной и функциональной — лексикографированной), метаязыковой и собственно ономасиологической (номинативной, номемной) ипостасях. Эти грани семиотизации предсистемы говорения и его онтологии делают видение речевого действия стереоскопическим и гиперфокусным, т.е. приближающимся к адекватному естественному (если вообще может идти речь о «естественности» исследовательского взгляда). При этом, конечно, не исключаются ни лингвистическая относительность (по Уорфу), ни языковой редукционизм, под знаком которого прошёл XX век в философии («Мир говорит, а мы только слушаем»), ни «когнечность» каждого словаря-личности, заражены ли мы утопическими устремлениями феноменологии или ироничны в духе Рорти [11].

Знание языка предполагает знание действительности, образ мышления, тип культуры, образовательную парадигму интерпретации мира и прежде всего его научной картины, художественную модель действительности мира, человека и его слова, наивную, языковую и концептуальную модель мира, встроенные в каждую индивидуальную и общенациональную языковую компетенцию. Слово — и воплощает это всеми гранями своей дискретной и континуальной сущности глагол говорить — представляет всё говорение, речевую деятельность и компетентность языковой личности на всех её уровнях как гармоническое шестиаспектное единство. И в идеосфере и идеоречевом цикле, всегда определявших методику, технологию, этику речи и эстетику слова, мен-

тальность и культурологию человека говорящего в Отечестве нашем, и в самой этологии человека разумного, сегодня этот глагол маркирует ментально, образовательно и идеологически значимый вертикальный текст искомого креативного языкового сознания и весь репертуар его экспликаторов в языковой и концептуальной картинах мира⁶.

Судить о говорении как о предмете образования во всём его креативном диапазоне позволяют *прецедентные тексты* — различных жанров и объёма, их авторы и даже элементарные образующие их знаки. Причём, как бы постмодернисты актуально и «конструктивистски» органично ни звучала мысль о человеке-тексте, всё-таки границы конечного словаря (равно как и языкового сознания личности, идиолекта) по-прежнему ассоциируются с амплитудой семантического колебания глагола *говорить*, нежели со всем континуумом всех текстов и всех дискурсов всех языковых компетенций от прошлого до настоящего. Так, новейшие классификации текстов и их типологии-интерпретации, особенно ономасиологически информативные, дополняют и уточняют онтологию речевого действия, познанную через системный подход к слову, функционирующему на уровне текста. Однако фактически с каждым существующим прецедентом научных моделей текстов и названий текстовых единств (*соглашение, договор, закон, указ, приказ, реклама, объявление, агитация, учебники, инструкции, телефонная книга, наброски дневника для себя, рапорт, заявление, письмо, почтовая открытка*) в языке сопряжены глаголы говорения (*соглашаться, договариваться, узаконить, приказать, инструктировать, рекламировать, объявлять, агитировать, учить, ра-*

портировать, заявлять), за исключением номинативно специфических обозначений (*телефонная книга, дневник для себя, наброски*), которые имеют артефакты и процессы, с говорением связанные. Изосемия и изоморфизм между ситуацией, лежащей в основе текстового единства, и её глагольной номинацией позволили охватить практически все эти ситуации семантико-функциональными свойствами глаголов *говорить* и *сказать*, что категоризует их как идеальный фрейм, прототип, прецедентный текст и как когнитивный сценарий образования языковой личности.

Когнитивная интерпретация глаголов говорения позволяет смоделировать работу нашего языкового сознания при отражении феноменологии действительности речевого события (как и всей предсистемы в целом и всякого её участка или фрагмента) и онтологии языка в связи с ключевыми методологическими и философскими моментами современного гуманитарного знания. Образовательным интенциям и пресуппозициям формирования креативной языковой личности соответствует как сценарий филологическая риторика [5, с. 371-429], обеспечивающая каждую языковую личность прецедентными воплощениями сценариев интеллектуального и духовного восхождения к креативной мыслительной, языковой, речевой и коммуникативной компетентности. На основании этой модели школа и субъект образовательной деятельности в ней получают шанс реализовать гармонию личностного и общечеловеческого, творчества и памяти, которая заложена в слове как программа и код языкового сознания личности, национального, общечеловеческого и личностного начал. Правда, при этом извечный тютчевский вопрос, как и тютчевский на него ответ, остаются извечными. Но извечным остаются и стремление *сердца высказать себя*, и стремление *Другого понять тебя*, впрочем, как и ложность *Мысли изреченной*.

Однако не о креативности молчания ведут речь все любители мудрости мысли и слова всех времён и народов. И уж совсем не об учительском труде речь ведут философи и поэты... Тем более сегодня, в эпоху *инфомира*⁷, когда текстуализуются и нарративизируются все предсистемы и пресуппозиции бытия Мысли и Слова, мир и жизнь вокруг нас, а наши внутренние миры и их жизнь измеряются и задаются языковой картиной мира и собственно Словом на уровне феноменологических и онтологических характеристик и матричных параметров. Так, всячому учителю помор-

⁶ Пользоваться устной речью значит в русской языковой картине мира *произносить* — владеть техникой речи; *рассказывать* — владеть информационными жанрами речи; *разговаривать* — уметь общаться; *называть* — владеть дискретными единицами языка и мысли; *уметь именовать*, владеть семиотикой; *обозначать* — идентифицировать и интерпретировать дискретные и континуальные единицы языка и мысли; *выражать* — освоить и присвоить законы и правила инвенции и элокуции; *воздействовать* — владеть теорией и практикой аргументации и диалогизации; *читать* — владеть техникой рационального чтения; *писать* — создавать влиятельные тексты различной жанровой и стилистической принадлежности; *помнить* — быть интертекстуальным проводником языкового опыта, этики и эстетики речевой деятельности своего народа и на базе этой памяти творить свою мыслеречевую уникальность и неповторимость; *слушать и слышать* — владеть риторикой восприятия и психологией усвоения информации; эффективно моделировать свою и собеседника рече-мыслительную деятельность; *думать* — быть эффективным и адекватным в осознании явлений мира; *молчать* — держать интеллектуальную и эмоциональную паузу, создавая гармонизирующую диалогическое взаимодействие с собеседником в пространстве положительной онтологичности, невозможно без подвижничества, смирения, скромности и участности в Другом [5, с. 429].

⁷ Это слово вошло в модель человека говорящего, предstawляемую на страницах данного научного сочинения, подаренное его автору на уроке риторики первоклассниками при обсуждении источников их знания о мире. «Мой *инфомир*, — сказала одна из девочек, — это моя бабушка, мама, папа и младший братик. А ещё это гимназия и учителя. И телевизор — тоже мой *инфомир*, и книги. И всё вокруг». И это слово было узнано как своё всем классом.

гают научить японского школьника видеть мир в диапазоне 300 оттенков цветов не только прекрасные иллюстрации-идентификаторы самих этих оттенков, но и сам язык, в котором есть лексические идентификаторы этого видения, признанные а priori актуальными для образования языковой компетентности как части японской (и школьной в первую очередь) модели-стандарта миропонимания. Нашему же учителю, не мешающему постигать эти грани мировидения, не менее великий и могучий, язык русский не раскрывает таких своих возможностей в силу неактуализованности в образовательной нашей системе — на уровне государственного заказа и стандарта — той технологии, что во всём мире называется *здравье сберегающей* и соотносится с идеалом цельного знания.

Уже автору концепта и термина *ноосфера* не представлялся отрыв чувства от мысли вне страдания, болезни или смерти самого субъекта даже не собственно *мыслеречедеятельности*, главнейшего вида деятельности человека как вида *Homo sapiens*, но просто *работы*. Сегодня востребованность такого образования обнаруживается прямо и косвенно, но уже в качестве единственного интеллектуального способа спасения от вымирания самой ноосферы. Отсюда бесконечная вереница «носителей» такого провидчески цельного знания «посвящённых». Но разве не учительской областью деятельности (после *Него*, конечно!) всегда были эти отбор, систематизация и интерпретация информации в синтезе целостного видения-знания мира? И разве это не есть всё ещё только журавль в небе нашего образования человека *мыслящего* и *говорящего*? А вот субъект образования и культуры, по мнению учёных, предстаёт в органике *мыслесловопоступка* как идеал, путь к которому одолеть может только сам субъект, ведомый прецедентами и находящийся в пути к нему. Видятся и этапы, и технология движения: 1) спасение мыслительной компетенции языковой личности как человека говорящего — в преодолении аналитичности знания и в приближении к идеалу цельного знания (С.Н. Булгаков)⁸; 2) любовь к Родине и чувство причастности роду и племени невозможны вне владения родным словом (В.И. Сухомлинский); 3) разум и чувство не работают как живой организм друг без друга (В. Вернадский)⁹;

⁸ «Никогда ещё в такой степени не выяснялась и так болезненно не чувствовалась... вся трагедия знания... сумерки мысли при обилии знаний становятся всё гуще, и наука уподобляется сейчас царю Мидасу, обращающему в золото, в мёртвое богатство своим прикосновением всё живое...

Мы остаёмся по-прежнему далеки от общенаучного синтеза, если он вообще возможен, но мы не должны забывать о нём как о предельной точке и истинной ценности знания».

⁹ «Разум и чувство представляются мне тесно-претесно переплетённым клубком: одна нить — разум, а другая — чувство, и всегда они друг с другом соприкасаются, и, когда одна из них бодрствует, а другая спит, когда в этом клубке рядом мёртвое и живое, раз-

4) культура развивается на великом посыле бескорыстного объединения (М.Л. Князева); 5) постигает прецеденты всех добродетелей и преодолевает все пороки только, искушённый в риторике (А. Мацевило); 6) человек всем своим земным бытием адресован Богу — своему Творцу и главному Прецеденту и Тексту, а потому достижение идеала гармонии с миром возможно лишь на условиях самозабвенного подвижнического служения Творцу (Мария Тереза).

Как видим, образовательной идеи формировать человека, востребованного в интеллектуальной ипостаси как актуализации всей личности не на день сегодняшний только, но в проекции всего своего миробытия, все возрасты и впрямь покорны. А строки Марии Терезы — об изначальной и непреходящей адресованности всего человеческого существования, подобной адресованности нашего слова. Выгравированный на стене подаренного Марией Терезой детского дома в Калькутте, текст этот (он «встретил» тексты мысли, слова, поступка и действительности во всех формах их бытия, сущности и явления) как будто призван выразить и смысл учительского служения образованию *Другого*. Идея эта как будто только и движет самим миром и бытием образования. Да вот только всё уводит некто наше образование на путь искушения специализированным знанием и специализированной же его научной интерпретацией, мотивированной сверхважными (и всё более «важнеющими» в условиях системы платного получения знания) целями, как то: престижный факультет или вуз, очередной образовательный эксперимент (самые опасные разрушения всегда оправдывают реформой), получение или возврат дивидендов от вкладов на развитие (или разрушение!) чего-то, etc. И вот уже знание языка начинает казаться существующим без своей текстовой и дискурсивно-личностной формы, а диалог, текст и личность изгоняются из числа компетентных и надёжных посредников в системе государственной приёмки образовательных продуктов и заменяются тестами. Вообще-то это давно и самый известный в нашей истории образования и культуры феномен: некто становится знаменитым благодаря интерпретации гения или высказанной им истины. О нём писал Ф.М. Достоевский, имея, правда, в виду целостную интерпретативную интенцию, объяснительную силу образного слова и художественной картины мира для понимания человека человеком в контексте культуры и национального менталитета: «Каждый замечательный критик наш <...> не иначе растолкует себя, как являясь рука об руку с писателем, приводящим его в восторг. <...> Полемика есть чрезвычайно удобный способ к разъяснению мысли; у нас публика слишком любит её» [12, с.166.]. Вот только несоизмеримы информационно-коммуникативные и культурно-

ве может быть сила, разве может быть какая-нибудь работа?»

антропогенные последствия этих риторических действий в информационном мире.

Рассмотрим два образовательно значимых, главнейших для данного дискурса, следствия актуализации знания о коммуникативно-информационной трансформации языкового сознания и концептуальной модели мира. Первое: художественная картина мира есть способ вербализовать взгляд автора на мир и способ укреплять духовную проекцию человеческого бытия, и картина эта — всегда модус, а не только диктум и фотография истории, но и портрет и действительности мира в целом, и действительности сознания художника слова, т.е. действительности его мысли о мире и самого его мира души как явленного. Второе: критика автора есть примерка его версии мироустройства к нравственному и мыслительному опыту читательского миро- и мыслепроживания Мира-Космоса. Но критика не есть критиканство и низвержение всего и вся. Направленная на носителей духовности, да ещё в стиле жёлтой прессы, она работает только на разрушение и бездуховность. Изменение прецедентов и, тем более, попытка обойтись в образовании языковой и духовной субстанции человека говорящего без культурно и духовно значимых текстов и прецедентных языковых личностей, ведёт к необратимым процессам обеднения и выхолащивания не только коммуникативно-текстовой составляющей языковой и коммуникативной компетенций, но и снижению креативной способности интеллекта, стайности, порождаемой заменителями культурных прецедентов — низкопробной литературой и поптекстовками: фанаты клубов, направлений, «звёзд», прочие тусовки и андеграунд.

Моделирование собственного понимания мира (и в ипостаси его бытия, и в ипостаси его мысле- и словоосуществления) — действительности *Noto dicendi* — требует представления научных рефлексий этого мира в научной картине современного образования человека говорящего и с оценки образовательных возможностей и технологий формирования креативной языковой компетентности в системе обучения словесности. М.М. Бахтин, отец металингвистики как учения о диалогическом взаимодействии, в стремлении показать природу эстетической значимости формы писал о ней как о воплощённом содержании. При этом им найдена и эксплицирована ещё одна, как минимум, проекция диалектики формы и содержания, значимая для понимания креативной моделирующей природы языка и художественного текста по отношению к личности и её миропониманию. Вчитаемся:

«Но особенно ясно это ценностное значение формы в поэзии. Ритм и другие формальные элементы явно выражают некоторое активное отношение к изображаемому: форма воспевает, оплакивает или высмеивает его.

Психологическая эстетика называет это «эмоциональным моментом» формы. Для нас же важна здесь не психологическая сторона дела,

важно не то, какие именно психологические силы принимают участие в творческом восприятии формы, — важно значение этих переживаний, их активность, их направленность на содержание. С помощью художественной формы творец занимает некоторую активную позицию по отношению к содержанию» [13, с.21].

Всё, что М.М.Бахтин именует идеологической оценкой, по сути является когнитивным сценарием, поскольку идеологическое в баhtинской терминосистеме — производное от понятия идеолог, внутренняя форма которого — ‘диалог идей’. Именно поэтому об идеологической оценке, выраженной формой, Баhtин говорит как о том, что «отнюдь не должно переходить в содержание в виде какой-нибудь сентенции, морального, политического или другого суждения. Оценка должна оставаться в ритме, в самом ценностном движении эпитета, метафоры, в порядке развертывания изображённого события; она должна осуществляться только формальными средствами материала. Но в то же время, не должна терять и связи с ним, отнесённости к нему, — в противном случае, она становится техническим экспериментом, лишённым всякого действительного художественного смысла». И в этом же смысле можно говорить вслед за Роланом Бартом о языке как о форме человеческого сознания и бытия в социуме и в мире, обо всех составляющих языка, текста и дискурса как о коннотации, а в диахроматическом противопоставлении стилей, осуществлённом ещё классической поэтикой (и уточнённом неоклассической) в антиномии «высокий» и «низкий», — видеть эту активно оценивающую природу художественной формы. Согласимся с М.М.Бахтиным и в главном из сказанного выводе:

«Структура формы, действительно, иерархична, и в этом смысле она близка к политическим и правовым градациям. Подобно им создаёт в художественно оформленном содержании сложную систему иерархических взаимоотношений: элемент её — например, эпитет или метафора — или возводит определяемое в высшую степень, или низводит, или уравнивает его. Выбор героя или события определяет с самого начала общую степень высоты формы и допустимость тех или иных приёмов оформления. <...>. Выбор содержания и выбор формы — это один и тот же акт, устанавливающий основную позицию творящего, — и в нём находит своё выражение одна и та же социальная оценка» [13, с.21].

И, добавим, находит своё выражение одна и та же когнитивная составляющая, которая и формирует образовательный потенциал словесной формы текста, как и всякая иная форма эстетически значимого произведения человеческогоума и духа. А ещё призовём на помощь в оценке когнитивных ресурсов и потенциалов художественного текста, моделирующих и образующих, volens-nolens, человека не просто говорящего или мыслящего, но культурного — со временных нашему инфомиру специалистов по культурологии. На-

пример, М.Л.Князеву, которая выявила связи человеческой личности с социумом, временем и миром и в категориях *ноопсихологии* высказала их через матрицу культуры, реализуемую в хронотопе бытия этой личности. При этом культуре противопоставлена современная потребительская психология, внедряемая в сознание нашего современника вместо прецедентных текстов подлинной культуры под видом приобщения к цивилизации и призванная вытеснить из индивида и социума матрицу культуры:

«Ноопсихология, — это приобретение новой естественности. Новая естественность исходит из условий, в которых теперь существует человек. Обращение к идеям саморегуляции и самоизлечения, стремление сузить химическое и медикаментозное влияние на организм, не препоручать своё здоровье врачам, а самим здоровым образом жизни сохранять себя, признание глубинных связей взаимозависимости физических и духовных сфер человека, разумное отношение к больным, слабым, сострадание и побуждение к действию и признание личности как саморазвивающейся, самоопределяющейся единицы, которая находится в новой системе отношений с миром, потому что земная цивилизация стоит перед выходом в галактическое пространство», превращает каждого человека в информационную структуру земной истории, земных отношений. То есть «каждый человек становится единицей, равной мировой цивилизации».[14, с. 30].

Качество, которое он приобретает при этом, М.Л.Князева назвала **диахронностью сознания**. Первым слагаемым понимания в идеологе — **диалоге идей** — автора и читателя, воплощающим диахронность взаимодействующих сознаний и культурных матриц, несомненно, является уже их языковая форма — Слово.

Образ миропонимания, позволяющий диагностировать социологически значимые проявления культуры, передают даже единицы дознакового уровня языка — чисто графический и акустический компоненты словесной формы. Именно поэтому в поле зрения при социологическом анализе попадают даже такие элементарные носители культурной и эстетической информации о социуме, как буква и звук. Достаточно вспомнить в контексте этого разговора судьбу Д.С.Лихачёва, для которого ссылкой на Соловки обернулось выступление на студенческом научном кружке, посвящённое культуро- и социологическим последствиям простого, казалось бы, изменения начертания и состава букв русского алфавита. И сегодня, через 80 лет после этого выступления, актуальны для языковой личности (причём, и уровня академика¹⁰, и уровня языковой компетенции пер-

воклассника-гимназиста¹¹ явлены и верифицируемы) существенные различия в картинах мира древнерусского и современного носителя русского языка, запечатлённые в букве. Сравним, к примеру, тексты-буквы, отражающие современные картины мира, запечатлённые миром языкового сознания ученика и того, кого он учит быть своим учителем. Так, в Словаре учителя, смоделиированном учениками гимназии № 1, где личностно ориентированное образование провозглашено как норма в Уставе, беспрецедентная прецедентность для *субъекта образовательной деятельности*¹² и эмпирическая выстраданность этим *субъектом* всех составляющих языковой ментальности учителя (*объекта-адресата* этой деятельности) не нуждаются в аргументации:

А — Адвокатов нам не надо! **Б** — Без родителей не являться на урок! **В** — Вон из класса! **Г** — Где ты шлялся пол-урока?! **Д** — Дневник на стол! **Е** — Если на следующий урок не выучишь стихотворение, поставлю 2! **Ж** — Жалко мне твоих родителей! **З** — Звонок для учителя, а не для вас! **И** — Иди за дверь и прожуй как следует! **К** — Кто разбил стекло в коридоре?! **Л** — Лес рук! **М** — Мела как всегда нет! **Н** — Никаких нервов на вас не хватит! **О** — Опять стёр двойку с дневника! **П** — Пусть встанет и честно признается! **Р** — Расскажи всем, вместе посмеёмся! **С** — Скажи перед всем классом честную правду! **Т** — Твои родители должны быть завтра у директора! **У** — Успокойтесь, сколько можно?! **Ф** — Физики не будет! Проведём математику! **Х** — Хватит! С меня достаточно! **Ц** — Целоваться после школы будете! **Ш** — Шушукаться перестаньте! **Щ** — Щёлкайте семечки на перемене! **Э** — Это когда-нибудь кончится? **Ю** — Юные бандиты, а не дети! **Я** — Я пошла за директором!

Несомненно, и в этом тексте, отразившем диалог сознаний и концептосфер двух субъектов образования, русская буква воплотила символику единого познавательного процесса и мироустройства, которые всегда и была призвана отражать. С

¹¹ Первоклассники, пятиклассники, восьмиклассники гимназии №1, как и студенты филфака Гродненского университета имени Янки Купалы, отдали предпочтение своё картине мира, запечатлённой в русской дореформенной системе буквобозначения, отмечая как её преимущества символичность и сакральность в отличие от современной системы, упрощённой до соответствия профанности и, цитируя Д.С.Лихачёва, скажем, атеистическому и антихристову миромоделированию.

¹² Так ученик именуется в Уставе в соответствие гуманизирующей модели развивающего обучения, а сам ученик является свою субъектность в самостоятельных инициативных проектах, например, постигая в каникулярное время жизнь как кинетическую и потенциальную энергию, вчитываясь в прецеденты русской и зарубежной научной, философской и художественной мысли и всматриваясь в концептуальную, научную, художественную и наивную картины мира. Остаётся невыясненным одно: догадываются ли об этом сами учителя,зывающие к субъектности учащихся.

¹⁰ Закономерно, что этот свой студенческий доклад академик Д.С.Лихачёв в начале 1992 г. читал перед членами Российской Академии Наук как актуальный научный труд после получения его из архивов КГБ.

той лишь разницей, что за такое миропонимание никто не ссылает сегодня на Соловки...

Графика русских букв изначально выражала **духовное в человеке** как главнейшую составляющую русского миропонимания. И оно даже сегодня открыто современному первокласснику как культурно и образовательно ценное: они с удовольствием изучали кириллицу, рисовали свои версии её слагаемых, а пятиклассники нашли отражение мира русского человека в каждой букве, запечатлев своё понимание и в текстах. Менялось мировоззрение людей, изменялись начертание и значение букв: одни, послужив верой и правдой, исчезали, другие возникали, третья и по сегодняшний день являются предметом споров и обсуждений. «Русская орфография создавалась в течение 10 веков, и странно, если бы в результате она не соответствовала бы духу русского языка и русского духа, не была бы наиболее простой для их выражения», — писал в своём роковом и судьбоносном студенческом докладе Д.С.Лихачёв, сравнивая всю русскую азбуку «с приготовленным к иконописанию материалом» («Простые буквы, в большинстве случаев соответствующие звукам, можно будет сравнить с чистыми красками: синий, белый, зеленый и т.д.; **Б** следует уподобить золоту, серебру, а **У**(ижицу) — драгоценным камням»), а введение новой орфографии — с «изъятием церковных ценностей» [17, с. 45].

В каждую букву, в её изображение и название русский человек вкладывал и вкладывает особый смысл. Поэтому буква является отражением его ментальности и сегодня: состоящий из иного числа букв, более лёгкий в написании, алфавит сегодня моделирует картину мира человека прямоходящего, а не разумного и мыслящего, профанное её представление современным выпускником школы, даже если он творчески не примитивен¹³. И студент Д. Лихачёв увидел в новой орфографии разрушение «символики единого познавательного

процесса», «дело антихристовой власти», «мысль бесовщины», «идею и цели демократические (антирелигиозные)», «введение революционного (антихристового) порядка», «табу, запрет для молодого поколения на всё», «ещё большее отдаление русского языка от церковнославянского», «посягновение на самое православное в алфавите». О том же говорят последствия отлучения от сакральной культурной сущности образования, узаконенные отлучением вторым (после петровской реформы и его «гражданки») в ходе революционных реформ и строительства нового мира — и без *μύρα* (с ижицей) и *μίρα* (с и), но в полнейшем соответствии с идеей обновленчества. Кстати, не пришло бы в голову современным сценаристам предлагать ещё одну реформу русской орфографии (если в реформе нет интенции закрепить отрыв от прецедентных текстов отечественной *Культуры, Литературы* и запечатлённых в них знаков *ВЪРЫ*) на фоне возвращения народу Храмов, будь за нашим (конца века двадцатого) обновлением — антропетризованным, демократизированным и гуманизированным — миропорядка и мироустройства не прозападные идеи и технологии разрушения нас же самих и нашей ментальности, а простое восстановление и возрождение попранного взбунтовавшимся тёмным плебеем. Как не пришло бы в голову и одновременно с этим пригласить в рыночные отношения и именовать это новыми цивилизационными ценностями... Попранное же подлинно культурное и православное основание образования нашего начиналось с образования миромоделирующей компетенции с первичного культурного слепка-модели мира и человека — буквы. С буквы, приходившей в сознание причащающегося грамоте и культуре одновременно с причащением к основам духовности и веры, через прецедентные тексты святого писания и познание Закона Божьего, и превращавшейся в самостоятельный эстетически и этически значимый прецедентный текст.

Выводя художественное созерцание текста из графемы, М.М. Бахтин «уже в следующий момент восприятия» связывал развитие зрительного образа с размыкающими и почти погашающими его «другими моментами слова — артикуляцией, звуковым образом, интонацией, значением», которые, «далее, выведут нас и вообще за пределы слова». Тем самым выведено и соотношение чисто лингвистического момента произведения к художественному целому как графемы к целому слову. Слово же в поэзии — «сценарий» события: «Компетентное художественное восприятие разыгрывает его, чутко угадывая в словах и в организации живые специфические взаимоотношения автора с изображаемым им миром и входя в эти взаимоотношения третьим участником — слушателем. Там, где лингвистический анализ видит только слова и взаимоотношения между абстрактными моментами (фонетическим, морфологическим и др.), там для живого художественного восприятия и контекстного социологического анализа раскрывают-

¹³ Так, например, предельно вещно прочитаны неподготовленным сознанием выпускника всё те же симурги, символизировавшие для древнерусского языкового сознания и идеосферы гармонию мироздания: **А** — шарж на попугае; **Б** — мужик в красных сапогах выпутывается из ветвей; **Г** — Иван-дурак лезет за жар-птицей; **Д** — скупой царь с мягкой подушечкой посажен в кандалы; **Е** — дети нарисовали ерунду; **Ж** — перекрестье на могиле воина, у основания которого «8 & 8»; **З** — что-то индийское, расцветающее: **К** — кормящий птицу добрый молодец с зонтиком попал в трясину; **М** — рыбаки поймали чудовище, один из рыбаков собирается глушить его дубиной.; **М** — два сплетённых дракона в одно умирают за правое дело; **П** — дворяне развлекаются как могут; **Р** — русский боярин по приказу царя трубит; **С** — два небесных дракона сплетены в одно; **С** — музей восковых уродов; **Т** — рентгеновский снимок невиданного доселе животного. Оно несёт китайские фонарики; **У** — спиртовой подсвечник; **Ф** — четыре лисы на большой скорости поедают сосиски и петуха; **Х** — царь выпивает из рога, дабы наполнить его снова; **Ц** — артериальная система человека; **Ч** — портрет короля древнего королевства.

ся отношения между людьми, лишь отражённые и закреплённые в словесном материале» [15]. То есть собственно языковой момент соотношения формы и содержания языковой единицы представляет самостоятельный — **коннотативный** — стратификационный уровень языка, а самый факт его существования (и, стало быть, прецедент рефлексии-описания) выводит художественный текст и стиль из числа «беззаконных комет в кругу рассчитанных светил»: на коннотацию спроектирована любая языковая единица, с той лишь разницей, что некоторые коннотативные проекции универсальны, а другие — избирательно маркированы. Прецедент сквозного маркирования pragматически значимых результатов работы языкового сознания автора над материей действительности и материей Духа и Мысли — художественный текст. Включённые же в круг смыслосуществования в *человековедческой* картине мира, эти прецеденты несут в себе знаки *Логоса*, *Этоса* и *Пафоса* картины мира сакральной. Поэтому литература — *Храм* и *Совесть* по отношению к *Дому бытия Духа*, коим является **Язык**. В этом же смысле прочитываются её прецедентные интерпретаторы, например *художественная антропология Ф.М. Достоевского в творчестве А.П. Чехова* (пример

прецедентной научной интерпретации одной альтернативной, но прецедентной картины мироустройства для другого прецедентного текста и его автора): *Каждый «опыт проживания жизни — эксперимент, «иночество в миру». Невозможно терминологически определить «духовное художество» каждого, уникальность сочинения им своей жизни»* [18]. Но истоки этого духовного художества открываются и благодаря образовательной социализации *инока* как личностная линия *поведения*, обрекая идущего либо идти *тесными вратами*, либо *наматывать круги плутания*, эмпирически вырабатывая свою или выбирая *верную линию поведения* — «общую стратегию и конкретные тактики вербальных и невербальных актов, с помощью которых человек выражает свою позицию, мнения, чувства или отношения и даёт оценку обсуждаемой ситуации» [19]. Результат выбора зависит от общей культуры личности, её адресата и субъекта, как от системы принятых ею и воплощаемых прецедентов: именно они, её прецеденты, говорят ею. Говорят всеми её уровнями — мыслительным, языковым, речевым, коммуникативным — и гранями языкового существования. Говорят ею как текстом и дискурсом. Если в них вписаны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Поливанов Е.Д. За Марксистское языкознание. — М., 1931.
2. Жолковский А.К., Мельчук И.А. О семантическом синтезе // Проблемы кибернетики. 1967. № 19.
3. Никитевич В.М. Словообразование и номинативная деривационная грамматика (Часть I): Словообразование и номинативная деривация (Спецкурс по общему языкознанию для студентов-филологов). — Алма-Ата, КазГУ. 1978. 64с.
4. Антонова С.М. Глаголы говорения — динамическая модель языковой картины мира: опыт когнитивной интерпретации: Монография. — Гродно, 2003. 519 с.
5. Белый А. Магия слов // Символизм как миропонимание. — М., 1994.
6. Соколовская Е.М. Функционально-семантическая сфера глаголов речи в русском языке (проблема вербализации суперконцепта «говорить»). 10.02.01 — русский язык: Автoref. дис... канд. филол. наук. — Волгоград, 2002.
7. Язык о языке: Сб. статей / Под общ. рук. и ред. Н.Д. Арутюновой. — М.: Языки русской культуры, 2000. 624 с.
8. Арутюнова Н.Д. Введение // Язык о языке: Сб. статей / Под общ. рук. и ред. Н.Д. Арутюновой. — М.: Языки русской культуры, 2000. с. 7-19.
9. Демьянков В.З. Семантические роли и образы языка // Язык о языке: Сб. статей / Под общ. рук. и ред. Н.Д. Арутюновой. — М.: Языки русской культуры, 2000. с. 193-270.
10. Руднев В. Морфология реальности: Исследования по «философии текста». — М., 1996.
11. Руднев В. Нравственность как набор языковых практик (Ричард Рорти. Случайность, ирония, солидарность. — М., РФО, 1996) // Логос. 1997. № 10.
12. Достоевский Ф.М. Письма Н.Н. Страхову // Достоевский Ф.М. Письма. Т.2. — М., 1934.
13. В.И. Волошинов (М.М. Бахтин). Слово в жизни и слово в поэзии // Риторика: специализированный проблемный журнал. — М., 1995. № 2. с. 9-30.
14. Князева М.Л. Кризис. Чёрная культура. Светлый человек. — М., 1999.
15. Лихачёв Д.С. Предварительные замечания к тексту доклада о старой орфографии // Русская речь. 1993. № 1.
16. Живолупова Н.В. Художественная антропология Ф.М. Достоевского в творчестве А.П. Чехова: любовный конфликт как проблема греха и прощения // Вестник ОГУ.— Оренбург, 2004. № 11. С. 14-20.
17. Крейдлин Г.Е. Невербальное поведение людей в деловом общении // Институт лингвистики, факультет теоретической и прикладной лингвистики Российской государственный гуманитарный университет. gkr@iitp.ru.

Автор статьи:

Антонова

Светлана Михайловна

- канд. филол. наук, доц. каф. русского языка (Гродненский государственный университет имени Янки Купалы)